

18+

GIERRE

СБОРНИК
ЦИКЛА
«АСМОДЕЙ»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. БЛАГОСЛОВИ ТЕБЯ ГОСПОДЬ
2. ПАУЧЬЯ БАШНЯ
3. ИСКУПЛЕНИЕ
4. ПОМОЩНИК СМЕРТИ

ССЫЛКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четыре рассказа цикла Асмодей очень разные по тематике и стилю. Их объединяет один герой – Асмодей. Он присутствует в каждой истории.

Атмосфера всех текстов мрачная, счастливых финалов и любовных историй нет ни в одном.

Цикл не завершен, следить за обновлениями вы можете в моем [паблике](#) в «ВКонтакте».

Вам не нужно платить за этот сборник. Если вы заплатили за него, вас обманули.

В конце сборника список ссылок, пройдя по которым, вы найдете другие сборники и паблик, где я рассказываю о процессе написания новых текстов.

ВАЖНО! Текст «Искупление» имеет рейтинг «18+». В нем присутствует нецензурная лексика, сцены секса и насилия.

Приятного чтения.

БЛАГОСЛОВИ ТЕБЯ ГОСПОДЬ

По тонким, длинным пальцам Асмодея кровь стекала к острым коготкам, скапливалась в желобах и потом по капле падала на поверхность мраморного пола. Он следил за полетом, замороженный, и считал. Один, два, три. Потом зачерпывал еще горсть и начинал снова. Один, два, три.

Взгляд его был прикован к собственным рукам, он не мог оторваться от них, даже когда кровь закончилась, и последняя скудная порция стекла вниз ровной струйкой. Свет факелов замкового холла отражал в засыхающей луже одухотворенное, счастливое лицо. Асмодей потянулся к труп, не нашел крови и зарычал от досады.

– Мало, – прошептали губы.

Из темноты выступила фигура, облаченная в доспех. Шлем закрывал лицо, но по тяжелой поступи Асмодей смог узнать рыцаря.

– Ричард.

Фигура прошла дальше, переступая через тела, Асмодей не смотрел на нее. Кровь на пальцах начала застывать, собралась комками под когти. Он поднес ладонь к лицу и облизал соленую, вязкую массу. Перед глазами мелькнули воспоминания – чужая жизнь. Асмодей зажмурился от удовольствия и подставил лицо льющейся из окон темноте, которую не могли заслонить собой факелы с их отвратительным светом.

– Именем... – фигура занесла над головой меч, остановившись прямо напротив Асмодея. Латные рукавицы украшали узоры с крестами, на груди сияла пятиконечная звезда, плюмаж – белый, похожий на ангельское крыло – трепетал от движений фигуры.

Асмодей протянул руку к рыцарю и заставил время замереть, выхватил из реальности пластину нагрудника, смял, отбросил в сторону, краем глаза отметив, что она застыла в воздухе, затем сжал свободную ладонь в кулак и пробил насквозь священную грудную клетку. Кости должны были хрустеть от боли, кровь должна была

вылиться на лицо Асмодея, но вне времени существовал только он сам, и пришлось ждать, когда реальность догонит момент. Асмодей ощутил удар чужого сердца, сжал руку и с наслаждением втянул носом воздух.

— Мало, — снова прошептали губы. Поток крови окатил их мгновением позже, но Асмодей не отвернулся. Он наблюдал за тем, как покидает чужое тело жизнь, разглядывал развороченный доспех и прислушивался. — Мало!

Тишину замкового холла пререзал женский крик. Асмодей обернулся на голос, развернул голову на бок. В отражении на полу он стал похож на кошку, которая почувствовала запах добычи.

Женщина закричала еще раз.

***

— Яд можно достать только в новолуние, — голос священника был строгим, звучал обреченно. Люди, сидящие с ним за одним столом, старались не смотреть на него. Избегали взглядов друг друга. Никто не хотел идти в ночь в новолуние.

— Нужно собрать обозы, отправить женщин и детей прочь, а потом...

— Прекратить! — священник сорвался на фальцет. Он был старым, мудрым и успел повидать достаточно чертовщины. — Хотите выжить, делайте, как я говорю!

Пара женщин, сидящих на лавках, выставленных у дальней стены сарая, запричитала молитвы. Он одарил их суровым взглядом, но мысленно поблагодарил всевышнего за то, что тот не оставляет свою паству в суровые, сложные годы.

— Я говорил вам! Я говорил вам про него!

— Оставь, — священник оборвал очередного «говоруна». Таких всегда находились тысячи. Они могли оклеветать любого, а потом, при первой опасности, причитали хуже баб, что предупреждали. Он

повидал и таких. Осенив себя крестным знаменем, он понадеялся, что эти умрут первыми. Тогда детишкам, благослови их Господь, останется больше времени.

– Убить его без яда мы не сможем, – он указал на толстый фолиант, лежащий в центре стола. Прочсть его само по себе было подвигом. Использовать полученные знания – невыполнимой задачей.

– Он бессмертный! Бессмертный! – завопила какая-то дура. Священник позволил себе мысленно произнести грубое слово, а вслух осадил ее и призвал к терпению.

– Его еще можно убить. В это новолуние мы выйдем и раздобудем яду. На следующее утро чудовище можно будет убить. Это всем ясно? – он обвел их суровым взглядом.

Дверь сарая распахнулась настежь. Повеяло холодом. Сидящие внутри вздрогнули. Гроза осветила силуэт фигуры – закованный в доспех рыцарь. На плече – походный мешок, в руках – ножны.

– Я помогу вам.

***

Кровь звала Асмодея. На закате он просыпался от сладкого, пряного аромата и шел по следу. Время распахивало двери, чужие тела были мягкими, хрупкими.

Разглядывая рассвет, он слизывал застывшие остатки пира с пальцев и позволял себе посмотреть на ободок светила, которое обжигало ему подобных и могло причинить вред.

Пока еще могло.

К рассвету обоняние притуплялось. Он мог заставить себя вернуться в замок, спуститься в подвал и там, в компании с трупами заснуть, вспоминая все, что произошло с ним за последние месяцы. Вспоминая высокую фигуру, облаченную в черное, которая принесла ему так много.

Один, два, три.

Он считал, оставляя зарубки на крышке чужого гроба.

Еще немного, и он сможет отправиться дальше.

Глубже. Туда, где запах крови будет повсюду.

***

Незнакомец представился Джоном. Они не поверили ему, но расспрашивать того, кто носит бастард и обращается с ним одной рукой играючи, – плохая идея. Священник благословил его, женщины залатали белье, сшили новые рукавицы. Он пообещал выйти с первым отрядом в ночь.

– Ему не страшны травы и корни, – напутствовал священник. – Не пытайтесь напасть на него скопом. Найдите яд и возвращайтесь. К болоту он идти не посмеет – там его смерть.

– Доводилось убивать таких? – спросил кузнец незнакомца, поправляя кольчугу.

– Доводилось, – кивнул «Джон». Голос его был грубым, а старые доспехи пахли ржавчиной, кровью и брагой.

Марта, которая вызвалась отвести гостя к реке и помочь с горячей водой, рассказывала, что вся спина рыцаря покрыта шрамами, а на правой руке не хватает двух пальцев.

Они смотрели за тем, как уходят двенадцать смельчаков, закрывали заслоны, рассыпали соль по углам и молились. Молились беспрестанно, отчаянно надеясь, что наутро будут свободны.

***

Асмодей бежал вперед так быстро, как мог. Время торопило, обещало догнать, и ноги подгибались. Он помогал себе руками, отталкиваясь от деревьев, ломая стволы. Бежал, бежал, считая вслух:

– Один, два, три.

Вспоминал чужой голос. Бархатный, обволакивающий, такой уверенный, такой... сильный.

«Три подарка я дам тебе, Йоген. Первый – имя. Второй – жизнь. Третий – смерть. Сумеешь забрать каждый, и мы встретимся там, где текут реки крови».

Асмодей бежал, опережая ветер. Туда, дальше, быстрее, навстречу третьему дару, который ускользал, вытекал из рук, подобно живительным каплям.

Умереть. Ему осталось только умереть, и тогда...

***

Болото казалось пустым. Замолчали птицы, исчез лунный свет, затянутое тучами небо прятало звезды. С факелами в руках, они зачерпывали воду. Яд, страшный яд, от которого чудовище превратится в пепел. Сказанное в древней рукописи указывало точно: здесь, здесь его смерть. Сюда, сюда привели первого монстра. И он был он убит Рукою Божьей.

– Расступитесь! – крикнул смельчак с бастардом.

Кузнец выронил флягу и торопливо побежал к сыну, чтоб оттащить людей. Подальше. Надвигалась буря.

– Скорей! Уходите в лес!

***

Асмодей уже видел его. Видел сверкающий в потоках темноты шлем, ощущал жаркое дыхание, выплескивающееся из-под забрала. Меч пылал в чужих руках. В кромешной темноте чужое присутствие казалось сказочным.

Он замер и засмотрелся. Топот разбегающихся крестьян был ненужной помехой – он взмахнул рукой, рассекая воздух, отправил несколько капель собственной, драгоценной крови, вперед. Услышал, как падают пораженные древним проклятьем фигуры. Улыбнулся и присмотрелся внимательней.

Священный рыцарь, Рука Бога. Осененный чужой благодатью, он казался Асмодею драгоценным камнем, брошенным на дно мусорной

ямы. Медленно, вместе с дыханием ветра, Асмодей заскользил вперед. Там, куда он ступал, чахла трава. Деревья, которых он касался, рассыпались пеплом.

— Сегодня ты умрешь, тварь! — крикнул благословенный. Асмодей улыбнулся, обнажая клыки. Он был рад. Он ждал этого, и теперь, наконец-то...

Один, два, три.

***

Чудовище прыгнуло вперед, а ему осталось только выставить клинок. Чужая плоть мертвым грузом осела на руках. Джон разглядывал искаженное лицо, силясь отыскать на нем агонию, ужас, но видел, как всегда, только блаженство. Наслаждение, которого не отыскать на божественных гравюрах.

Чужая кровь заливала руки. Он с отвращением оттолкнул от себя тело упыря, поставил ногу на грудь и резко дернул меч на себя. Монстр выгнулся, выхватил ртом воздух и прошептал:

— Благослови тебя Господь.

ПАУЧЬЯ БАШНЯ

Ричард посмотрел вверх и увидел в пространстве между полом и потолком зала гигантскую паутину. В тусклом свете факелов ему сложно было сразу различить детали, но когда силуэты сложились в голове, он стал пятиться назад к двери осторожными шагами. Сердце забилось быстро-быстро, мозг начал лихорадочно искать возможные пути к отступлению, но глаза продолжали неотрывно смотреть вверх.

Тонкие нити выбеленной бечевки переплетались сложным симметричным узором, образуя еще одну плоскость, на которой, подвешенные за разные части тела, висели фигуры десятков женщин. Ричард заставлял себя думать, что их еще можно называть фигурами, и рано – телами. Фарфорово-светлая кожа отливала синевой, тонкая веревка удерживала их в воздухе в искореженных позах. Многие висели вниз головами, но кое-кто – почти горизонтально, обвитый бечевкой, словно паутиной.

Ричард проглотил страх и выкрикнул:

– Здесь есть живые?

Никто не ответил. Страхнув с лица капли пота, он отложил факел на каменный пол, извлек меч из ножен и повторил вопрос:

– Здесь есть живые?

Паутина оставалась неподвижной. Ричард заставил ноги двигаться вперед и шел до тех пор, пока не оказался точно в центре круглого зала. Много столетий назад в этом самом зале, как гласили предания, священнослужители возносили молитвы Небу, короли просили о благословении богов, воины давали клятвы верности, а невинные девицы – святыя обеты.

Ричард снял шлем и запрокинул голову, разглядывая заслоненный чужим святотатством купол. С такого ракурса подвешенные казались летящими. Руки их устремились вниз, к земле, и против воли Ричард подумал о том, что они выглядят попавшими в

Землю Обетованную праведниками. Они были принцессами, горошины которых оказались слишком велики для их спин. Русалочками, которые отдали слишком много ради человеческих тел. Он еще раз смахнул с лица пот – факелы вдоль стены нагревали воздух, а запертые много лет назад окна не выпускали его наружу. Пахло гнилью, нечистотами и кровью.

Реальность обрушилась на Ричарда одним махом, он резко выдохнул и согнулся от судороги в животе. Еды ему не попадалось уже два дня, и на поверхность мраморного пола пролилась только слюна. Захотелось пить, он обернулся к выходу и решил пойти назад.

– Помоги, – донеслось в тот же миг сверху.

Он снова запрокинул голову и заметил, что одна из фигур протягивает к нему руку. Глаз ее не было видно, но пальцы двигались, и она, откашлявшись, повторила скрипящим, изломанным голосом:

– Помоги.

Ричард почувствовал, что теряет контроль над собой. Холодная голова, с которой он пришел сюда утром, была измучена длинным подъемом, темными коридорами, древними костями и ветошью, от которой воздух стал пыльным и горьким. Теперь, стоя на самой вершине, посреди комнаты с мертвыми девушками, он понимал, что не сможет спасти даже ту последнюю, что все еще была жива.

– Не уходи! – женщина завизжала, надрывая горло. – Не бросай меня!

Снова попятившись, Ричард отбросил меч и побежал вперед, к факелу, а потом – к двери. Дернул ручку раз, другой, третий... Замер, пораженный, обернулся и увидел, наконец, то, за чем шел все эти месяцы.

Существо, которое стояло в центре, на том самом месте, где он вспомнил Землю Обетованную и заметил живую женщину, было значительно выше его самого. У него были длинные ноги, руки, тело, но в этой уродливости Ричард заметил своеобразную гармонию. Он,

встретивший в жизни множество монстров, готов был поклясться Священной Семеркой, что стоящий перед ним родился таким. Особенным, необычным. Родился не в этом мире, но в том, от которого Семеро берегли их долгие годы. Здесь, в оскверненном храме, чудовище нашло себе новый дом и устроило его так, как сочло нужным.

– Ну и уродец, – заявило существо гнусавым, стеклянным голосом. Эхо размножило его, оттолкнув от высокого купола.

– На себя посмотри, – выпалил Ричард. Отступить было некуда, и – с мечом или без него – он был героем, искупителем, Божественной Дланью. Факел в его руке был Священным Пламенем, а гнев, который заступал место ужаса – Праведной Яростью.

Он мысленно повторил молитву Семерке, перехватил поудобней факел и пошел вперед, осторожно ступая по полу и удерживая взглядом чудовище. Моргни, и враг исчезнет. Позволь себе страх, и монстр найдет способ его воплотить. Знакомая уверенность, присущая началу каждого достойного боя, накатила на Ричарда. С облегчением он понял, что все же сумел взять себя в руки.

– Зачем ты пришел? – проскрипел монстр, отступая к противоположной стороне зала. – Что тебе надо?

Эхо продолжало играть со стеклянным голосом, и Ричард вспомнил, что, когда он только зашел в этот зал, его собственный утонул в плотном полотне паутины. Чудовище играло по законам другого мира. Повторив молитву еще раз, Ричард тряхнул головой, отгоняя наваждение, но отводить взгляд от монстра не посмел. Глаза заслезились.

– Чего хочешь? – монстр взвизгнул и кинулся прочь вдоль стены. Свет факелов отражался от его тела, и Ричард увидел, что тот целиком состоит из стекла. Обернутый белоснежной бечевкой, монстр бежал к двери.

– Стеклашка! – выкрикнул Ричард, придавая смелости самому себе. – Стеклянный паучок!

Чудовище завизжало, оскорбленное чужой наглостью, и стены зала послушно умножили визг. Ричард поморщился, взгляд его на миг соскользнул с чужой фигуры, наткнулся на стену... стеклянную, темно-бордового цвета. Цвета свежей крови. Он почувствовал вкус железа во рту, глаза, замороженные отражением, утонули в алой пелене, а уши пропитались визгом. Пронзительный, яростный, он достиг немыслимого пика, а потом рухнул вниз и стал рычанием.

– Стеклянный паучок, – сказало чудовище.

Мир перевернулся, Ричард понял, что висит головой вниз и смотрит на монстра, стоящего на полу. Он проиграл. Рядом с ним, тихо всхлипывая, висела женщина. Ричард посмотрел на нее, и она, вытянув руку в его направлении, беззвучно прошептала: «Прости».

– Стеклянный паучок, – повторило существо тем временем, опустилось на четыре лапы. Ричард, наконец, смог рассмотреть его без морока и наваждения. Бечевка, оплетающая стеклянное тело, не касалась головы. Лысый, вытянутый по-звериному череп сверкал гладкой, стеклянной поверхностью, отражая огоньки факелов. Выпирающие клыки клацали, хватая воздух.

– Паучок, паучок, – чудовище повторило слово еще несколько раз, выплевывая откуда-то из недр глотки. Губы его при этом не двигались. Ричард зажмурился и пообещал самому себе, что все, происходящее вокруг, ему снится. Снова прочел молитву, открыл глаза...

И увидел ярко-голубое небо.

– Добро пожаловать в наш мир.

Контуры девушки, которая висела возле него, размылись, рассыпались тенью, и из этой черноты появился новый силуэт. Он был одного роста с Ричардом, укутан в плащ с откинутым капюшоном, и эта странная деталь – откинутый капюшон – заставила задуматься о пространстве. Нельзя висеть вниз головой с откинутым на плечи капюшоном.

Ноги Ричарда снова стояли на твердой поверхности. Наверху было небо, голубое и яркое. Рядом стоял незнакомец в черном плаще, его золотые волосы падали на плечи, и от этого было понятно, где верх, а где – низ. Ричард вспомнил висящих девушек, «паука», затхлый воздух зала, свое собственное положение, и мир закрутился у него перед глазами.

– Такое бывает, когда живые попадают сюда, – сказал незнакомец. Потом собрал тонкими пальцами волосы, положил на одно плечо, а свободной рукой накинул капюшон. – Не люблю солнце, зря ты его выдумал, лучше подумай о чем-нибудь еще.

Ричард смотрел на капюшон, на небо, на незнакомца и, в конце концов, выхватил взглядом его глаза. Черные, чернее тени, они делали обычного человека в одежде паломника похожим на чудовище.

– Подумай о доме, – сказала существо. – Покажи мне свой дом.

Рассказывать монстру о доме было никак нельзя. Ричард понял, что угодил в ловко подстроенную ловушку. Проглотил наживку, и умелый рыбак вытряхнул его из человеческого мира в мир демонов, где смертные были уязвимей рыбы, очутившейся вдали от воды. Здесь, в другом измерении, демон мог выучить даже чужие мысли.

Завертелись в голове слова, наставления, заветы. Ричард копался в памяти, перевернутой событиями последнего часа, и пытался подобрать название монстру, стоящему перед ним. Одолеть существо можно было лишь специальной молитвой. Демон прочел мысли Ричарда, и на красивом лице отразилась гримаса недовольства. Темные глаза сверкнули красным – тварь разозлилась.

– Покажи мне дом! – тон чудовища стал грозным, а Ричард все не мог вспомнить нужного слова. Из всех сил он старался не думать о месте, где его приютили монахи, поклоняющиеся священной Семерке. Такому учили дольше, чем обращению с мечом. Известно ведь, как тяжело не думать о чем-то, и потому Ричард мысленно повторял про себя священные обеты, сбивая с толку поселившееся внутри него существо.

– Назови свое имя, – выдавил он, наконец. – Назови имя! – это была отчаянная попытка. Ричард слышал от других охотников, что иные демоны были столь горды, что выдавали свои имена. Забывали о том, как важно хранить их в тайне.

– Асмодеус, – губы чудовища растянулись в хищной улыбке, глаза снова сверкнули. Демон ликовал. – Знаешь такое имя?

Ричард отступил на шаг и, загибая пальцы по старой детской привычке, все-таки вспомнил:

– Пятый! – радостно закричал он. – Пятый! Ты – пятый!

Асмодеус нахмурился, отступил на шаг, и в создавшемся между ними пространстве Ричард заметил просыпающуюся Темноту.

– Ты – ужас! – продолжил охотник. – Ты – желание.

Человеческое лицо Асмодеуса стекло вниз, открыв совсем другой облик: бледная сухая кожа мертвенно белого цвета, длинные клыки, надломившие челюсть так, что она перестала казаться человеческой. Ричард захохотал и начал читать молитву:

– Ни в чем не буду знать нужды, и невзгоды и радости приму со спокойствием, не захочу награды, отрину гордость и пойду...

– Остановись! – закричал Асмодеус, отступая еще дальше. – Стой! Я дам тебе, что захочешь!

– ... своим путем, нагим и голодным, без страха и надежд, покуда Семеро охраняют...

– Перестань! – Асмодеус рухнул на колени и протянул к Ричарду руку. Его фигура снова стала похожа на облик девушки – пленницы стеклянного монстра. – Я тебя уничтожш...

Ричард закрыл глаза и продолжил шептать усвоенный с раннего детства порядок слов. Молитва, против которой пятый князь не сможет устоять и преклонит колени. Он старался отрешиться от мрачного мира, в который заманил его стеклянный демон – не видеть, не слышать ничего.

– Чего ты хочешь? – Асмодеус не шептал больше, теперь он рычал глухо, и этот звук резал слух Ричарда. В нем было искушение. Слова демона проникали прямо в голову, давили на самое слабое. Ричард видел прекрасную женщину, прижимающую к груди ребенка. Его ребенка! Позади женщины расцветал сад, а дальше – дальше-дальше! – видно было крышу небольшого домика.

Чтобы не угодить в очередную ловушку, он плотно закрыл уши ладонями и начал было продолжать молитву, но вдруг почувствовал, что не может дышать.

Он открыл глаза, выискивая взглядом Асмодеуса, а тот по-прежнему стоял на коленях прямо напротив. Руки Ричарда потянулись к собственной шее, и, когда Асмодеус увидел это, на его лице снова возникла мерзкая улыбка. Теперь она не была и на толику красивой – оскал хищника.

– Нельзя так подставлять спину, Асмодей, – сказал кто-то позади Ричарда. Нужно было обернуться и по облику узнать, кто на сей раз выступил против Воина Света, но Ричард не мог дышать. Руки его хватали пространство возле шеи, но тщетно – чужая хватка была невидимой.

– Простите меня, я слишком увлекся, – Асмодеус тем временем встал с колен.

– Не ты один, – слышался жестокий смешок, хватка вокруг горла сжалась сильнее.

– Он нашел убежище пауков, – лицо Асмодеуса вернуло себе прежний привлекательный облик. Ричард следил за этим сквозь темную пелену приближающейся смерти.

– Ты назвал ему свое имя.

– Я не знал, что он...

– Ты забыл о трех дарах?

Ричард чувствовал, как утекает прочь жизнь. Чужой разговор перестал быть связным, превратился в набор звуков, а потом исчез в оглушительной тишине.

***

Когда он открыл глаза, внизу был знакомый мраморный пол, а точно по центру – застывший след от его собственной слюны. Дверь была заперта, но факелы продолжали гореть. По меньшей мере, теперь можно было дышать. Он изо всех сил развел руки в стороны, и паутина начала поддаваться.

Спустя долгие часы, опасливо поглядывая на выход, Ричард смог освободить себя и неловко рухнул на пол, а потом побежал, и чужие вопли, мычание, слезы уже не могли заставить его остаться. Девушка все еще была жива, но теперь Ричард знал, что она – наживка. Он мечтал лишь о том, что больше никогда не встретится с монстрами Башни.

Спускаясь вниз по бесконечным ступеням, он вспоминал Асмодеуса на коленях перед собой и зловещий вопрос: «Чего ты хочешь?» Уставший, сбитый с толку охотник, попеременно пытался вернуть образ женщины с ребенком на руках и выбросить его из памяти. Искушение было таким сильным, что один раз Ричард остановился. Долгие два вдоха он позволил себе стоять на месте, вполоборота, словно надеялся, что пятый князь появится прямо посреди разрушенного замка и задаст свой вопрос снова.

Никто не пришел. Ричард был один в темноте, а сквозь редкие оконца пробивались первые лучи рассвета. Сильней прочего беспокоила его мысль о том, что, несмотря на свой проигрыш, он все-таки был жив. Незвестная сила спасла Асмодеуса, почти погубила Ричарда, и все-таки он остался в живых. Ему позволили покинуть комнату с пауком и выйти наружу.

Вдыхая свежий воздух утреннего леса, Ричард все еще чувствовал себя пленником зала с паутиной, словно та въелась в его кожу и стала частью его существа. Улыбка Асмодеуса в его памяти то

превращалась в звериный оскал, то становилась отражением пленницы-наживки – привлекательной и понимающей. Демон сыграл с ним в игру, и хотя Ричард уверенно побеждал, в конечном итоге это оказалось неважно.

Наконец, накатили злость и усталость. Он стянул с себя остатки дьявольской паутины, умылся в ручье недалеко от выхода и побежал, наполняя легкие огнем. За болью растворялись все остальные мысли. Исчезала в тумане забот фигура Асмодеуса, а с ним вместе прекрасная женщина, держащая на руках давно мертвого Ланселота. Его добрая, милая Женьевер.

ИСКУПЛЕНИЕ

Дверь открывается. В комнате четыре стены, высокий потолок с лампой дневного света точно по центру, кафельные плитки белого цвета на полу, и я. Клиент заходит внутрь, дверь закрывается.

Плохое начало, да? Четыре стены, кафель, клиент – не очень похоже на иллюстрацию Ада. Скорее на стоматологическую клинику или туалет в торговом центре. К тому же неуместное слово «клиент». Жертва, грешник – так было бы лучше?

С моей точки зрения, а я стою недалеко от двери, дожидаясь очередного бедолагу, все выглядит именно так. Сам он может видеть разверзшуюся пропасть с кипящей лавой, ледяные глыбы, может слышать зловещий хохот, ощущать запах серы – любые капризы. Желание клиента – закон. Но я вижу стул, дверь, стены и новую работу. Сегодня это женщина, и в таком раскладе нет ничего нового и необычного.

Она заходит, шагая осторожно, вздрагивает от захлопнувшейся двери. На ее полном лице страх. Меня она не видит. Возможно, из-за убежденного атеизма, въевшегося в сознание, возможно, потому что сейчас больше занята воображаемой реальностью. Не мое дело – лезть в ее мысли. Все, что от меня требуется – искупление.

Кстати, у нас не бывает отпуска. Контракт пожизненный, и начинается он со смерти. Означает ли это, что я когда-то зашел в похожую комнату и сел на стул? Нет. Но женщине, которая попала ко мне, сесть на стул все же придется.

Искупление – штука сложная. Еще три сотни лет назад к нам заползали на коленях, моля о прощении, и тогда в моде было встречать клиентов взмахом кнута. Изрыгать пламя, требовать повиновения. Знаете, все эти штуки, которые теперь можно купить за пару долларов в магазине для взрослых. Желание клиента, говорю же.

Сейчас пользуются спросом доверительные беседы. Искупление через беседу, так мы называем это. Кабинет психотерапевта. Клиент садится на стул, изливает душу, в буквальном смысле, и остается только распахнуть форточку, выпуская обновленное существо дальше. Куда? Понятия не имею. Когда вы в Аду, вы не задаете таких глупых вопросов.

Женщина замирает возле стула и начинает думать. Этот момент я люблю больше всего. В ее глазах растерянность, хотя я не вижу ее глаз. Мысли спутаны, хотя я не умею читать мысли. Кожа на ладонях вспотела – это уже в моих силах, заметить крошечные капельки жидкости на коже.

– Я в раю? – спрашивает она.

Голос хриплый, тревожный. Так разговаривают с онкологом.

Выхожу в центр и встаю рядом, сегодня я добрый полицейский. Женщина замечает меня, отступает на пару шагов, но я предлагаю ей жестом присесть. Сейчас в моде вежливый приглашающий, больше никаких кнутов. Поговаривают, что молодняк все еще увлекается таким, но я не беру в руку кнут до тех пор, пока это не становится необходимым. К чему зря тратить силы?

– Я в раю? – повторяет она, присаживаясь. Ноги дрожат, так что движение получается комичным.

Тело её похоже на бульдозер. Необычное сравнение для обитателя Ада, правда? Людям нравится думать, что сверхъестественные существа застряли в эпохе Средневековья. Люди готовы поверить в то, что черти живут где-то далеко, не умеют читать, интересуются только серой, и вообще слишком глупы для любых диалогов. Увы, но бульдозер – это лишь вершина айсберга. К своему неудовольствию пятью минутами раньше я имел счастье изучить устройство ядерного реактора. Доверительные беседы, помните?

– Я в раю?! – требует.

Когда такие, как я, устраиваются на работу, мы получаем три подарка. Бог любит троицу, но и его противоположность недалеко ушла. Что поделать, условности. Мои три подарка – большая тайна. У всех они одинаковые, но о них не говорят. Имя, жизнь, смерть.

– Я в раю?! – на ее лице ужас.

– Меня зовут Асмодей, – отвечаю я.

Попадают ли ко мне те, кто не знает моего имени? Конечно, попадают. Дело в процедурах, инструкциях, традициях. Нужно познакомиться с клиентом. Раньше в ходу был гром, молнии и глас, возвещающий сверху все титулы и заслуги. На людей это производило впечатление. Новое поколение больше ценит лаконичность. Возможно, это связано с тем, что они много читают, кто его знает.

– Я – Мери, – представляется она.

Вежливые клиенты дорогого стоят. Мери закрывает лицо ладонями и начинает рыдать. Отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие – Мери проходит все это за считанные секунды. Скорее всего, она знала мое имя. Или ее смерть была длинной и основательной, так что основную часть моей работы сделал врач или сердобольный родственник.

– Расскажи мне о себе, Мери.

Когда рыдания прекращаются, и слезы на ее лице высыхают, она начинает говорить. Сначала ее речь сбивчивая, но я не перебиваю и продолжаю слушать. Это важная часть работы. Искупление требует прощения, а прощение – сложная штука.

– Мне нужно рассказывать о грехах? – спрашивает она, переводя дыхание, после рассказа о своем детстве.

За все века, что я провел на службе, мне не встретилось еще ни одного человека, который бы не начал историю своей жизни с детства. Все дело в том, что так принято. И еще – хотя это моя личная теория – в том, что все грехи человечества берут начало в детстве. Украденное

для друга печенье, «это сделал не я, а Майки», исправленная двойка в дневнике. Благие намерения.

— О чем тебе захочется, — отвечаю я и пожимаю плечами. Вежливо, но небезразлично, предоставляя ей полную свободу.

Спустя сотни лет оказалось, что это эффективнее кнута. Хотя мне все же кажется, дело в том, что люди слишком много внимания уделяли испытаниям Ада, и тем самым упростили нам работу. Угроза пытки действует на многих эффективней самой пытки — достоверный факт, вы не знали? Вместо злости от боли они испытывают удовлетворение от облегчения. Вмешательство подсознания или суперэго, поди пойми. Иногда я начинаю думать, что заигрался в психотерапевта.

— Я хочу рассказать о Лаффе, — говорит она. — Это мой сын.

В моей работе есть что-то от повара и таксидермиста. Сначала нужно чистить лук. Иные луковицы весят тонну, и на эту работу уходит небольшая вечность. Затем, когда все наносное счищено, начинается подлинный труд. Искусство создания души.

Вам не казалось странным, что душа может попасть в Ад? Вы знали, что Иисус взошел на Голгофу для того, чтобы души не могли туда попадать? И все же это происходит, постоянно. Они попадают в Рай или Ад, заходят в чистые комнаты, а потом такой, как я, или такой, как Михаил или Петр, встают напротив и начинают свою работу.

Все дело в потребностях. Есть люди, которых достаточно попросить. Объяснить им, как устроен мир, и они начнут жить по правилам. Спасать котят, использовать только перерабатываемые продукты, экономить воду. Клиенты райской канцелярии.

Знаете, как мы шутим про них? Нет, не про крылья, конечно. У нас тоже есть крылья, было бы желание. Мы шутим про лень. Чего проще: пригласить, объяснить, отпустить. Наша задача на порядок сложнее. Мы имеем дело с удивительными существами. Зная правила, понимая расклад, осознавая ответственность, они все равно

ухитряются напортачить. У нас школа для детей с особенностями развития.

– Лаффи родился в январе, – говорит Мери.

Она знала правила игры. Судя по крестику на ее безразмерной груди, она даже верила в Бога. У нее были все шансы пролететь сквозь райские врата, оказаться за пределами мира и начать следующее путешествие.

Мы служба переработки бытовых отходов. Душа отделяется от тела и летит вовне. Поговаривают, в других мирах она могла бы беспрепятственно совершить это путешествие и оказаться за миллиарды световых лет спустя долю секунды. Тамошние мусорщики ничего не смыслят в экологии. Нельзя выпускать вовне душу серийного убийцы. Вы же не хотите, чтобы родившийся в лучшем из миров младенец принялся крошить ножом собственную мать?

– У него были крошечные зубки, – утверждает Мери.

Мне не с чем сравнивать. Мое дело – искупление. Мери не знает этого, но я такой же пленник комнаты, запертый в четырех стенах, как и она. Разница между нами в том, что у меня в руках арсенал Ада, а она нага и беспомощна, но, на самом деле, все зависит только от нее. Если сейчас ей придет в голову идея о подлинной простоте, если она осознает все совершенные ошибки, переживет их заново, отпустит и очистит себя от прежних грехов, дверь откроется, и она будет свободна.

Раньше мы говорили об этом. Очень быстро стало ясно, что фокус работает только в том случае, когда клиент не знает подлинную цель. Катализатором искупления остается страх.

– Я держала его на руках и боялась выпустить, – бормочет Мери.

На ее лице печать скорби и замешательства. Весь ее опыт говорит о том, что в комнате, куда она попала, должны происходить ужасные вещи. Она оборачивается ко мне и спрашивает:

– Мне можно продолжать?

Подлинная ирония моих действий заключается в том, что я не использую наказание, и тем самым наказываю ее. Она – самостоятельная личность и прекрасно справляется с бичеванием, терзая душу сомнениями и раскаянием. Возможно, таким образом, снова и снова напоминая себе о Лаффи, она надеялась попасть в райские врата. Увы, туда попадают только те, у кого не рождался Лаффи.

– Он был странным, – говорит она, не дождавшись моего ответа.

На этом суде она прокурор, адвокат, присяжные, пресса, безутешные родственники, обвиняемый и жертва. Судьей остаюсь я.

– Его тяжело было кормить, – голос ее падает на дно пропасти, она надолго замолкает и начинает рыдать.

Слезы – то, к чему привыкаешь быстрее всего. Я научился делать это еще при жизни. Слезы соленые, как кровь, но недостаточно густые. Пить их бесполезно, а смотреть на то, как они коробят чужие лица, бывает даже забавно.

– Он даже не научился ходить! – восклицает она. – Мой ангелок!

Называйте демоном любого из нас, вы будете правы. Я стою возле бульдозера, который исповедуется мне в детоубийстве. Обычный рабочий день. Моя задача сводится к тому, чтобы стереть воспоминания Мери, превратить ее в болванку, в пустой сосуд, подготовить к далекому путешествию. Я люблю свою работу, благодаря ней в мире становится на одну Мери меньше.

***

Некоторых из нас вызов к начальству пугает сильнее перспективы очутиться наедине с ангелочками. Старую добрую битву легко предпочесть тупому осознанию собственной никчемности. Вы когда-нибудь говорили с дьяволом? На полном серьезе, я спрашиваю вас об этом, потому что у вас была тысяча возможностей, если вам исполнилось хотя бы десять. К десяти годам дьявол становится неотъемлемой частью вашей жизни.

Вы уже умеете врать, вы делите мир на своих и чужих, в полной мере вы разделяете коллективную ненависть к любому пустяку, вас заворачивают казни, убийства, смерть. Вас уже можно устраивать на полставки ко мне в помощники.

Конечно, никто не отдает себе отчета. Вы продолжаете жить, понимая, что ваш единственный способ не сойти с ума – двигаться дальше. В точности также думаем мы. Наш диалог с дьяволом однажды привел к тому, что мы оказались здесь. В тихом местечке, куда попадает рано или поздно около восьмидесяти процентов смертных. Сухая статистика, ничего больше. Я не делаю выводы, это не моя работа, таким занимается отдел маркетинга.

Когда вас вызывает к себе начальник, вы, возможно, испытываете легкое беспокойство. Тревогу за свое будущее. Вас могут уволить, лишить премии, сделать выговор. В точности тоже самое может произойти со мной. Чего я боюсь больше? Пожалуй, увольнения. Вернуться к смертным, выполнять грязную работу с чужими телами, быть подкаблучником какого-нибудь князя или княгини. Я бы выбрал выговор, будь моя воля. Вы тоже?

– Асмодеус, пятый, подойди ближе, – говорит он.

С большой буквы упоминать о нем? Это приходит вам в голову? Написать Дьявол, вместо дьявола. Ведь это задевает его самолюбие, его гордыню. На деле все немного сложнее. Намного сложнее, если уж быть до конца честным. Все настолько сложно, что мне не хочется об этом лишний раз думать.

– Ты верно служишь мне, – говорит он.

Что-нибудь о его голосе? Какой он прекрасный? Как глубоко проникают бархатные нотки? Всю эту чушь? Вы ждете от меня, чтобы я облек голос абсолюта в язык смертных? Нет, быть карикатуристом я не подписывался. Он просто говорит. И я понимаю.

– Есть особая работа, – говорит он.

В моей карьере было несколько особых работ. Первую я провалил с треском. Речь шла о жалкой душонке павшего ангела, и отдел пропаганды (тогда они еще назывались так) требовал, чтобы душу вывернули наизнанку и вернули обратно на поверхность. Требовали, чтобы душа присоединилась к нам в следующей жизни. Непростая задачка, верно? Все шло хорошо до тех пор, пока ангелок помнил о райских вратах, но стоило ему забыть, душа начала разваливаться у меня в руках. Так бывает с дешевой синтетической тканью, если задеть нитку. Полотно разваливается у вас на глазах, а вы можете только наблюдать за этим прекрасным процессом. Зная, что это никогда больше не повторится. Тогда мне устроили серьезную взбучку, и я отнесся к следующим поручениям со всем тщанием. Выбрался из задницы, так вы говорите.

– Мальчика нужно отправить наверх, – говорит он.

Это означает, что нам нужно перерождение. Незавершенный гештальт. Остаточная память на полотне чистейшей души, которая притянет клиента обратно, наверх. Кропотливая работа, ювелирная. Душу с сильным налетом не пропустят ревизоры Рая, абсолютно чистая субстанция ни за что не вернется обратно на Землю – они слишком хороши для этого дерьма. Нужна золотая середина, идеальный баланс. Достаточно груза, чтобы ее потянуло обратно, но слишком мало, чтоб запищали радары ревизоров. Контрабанда. Небольшой подарок человечеству от нас.

– Нельзя выпускать его, в любом случае, – говорит он.

Уточнение заставляет меня отшатнуться. Не для всех ушей, верно? Вы ничего не поняли. Вам неизвестно, как появляются подобные мне. Имя, жизнь, смерть. Дьявол остроумен. Асмодеус, пятый герцог, вы много слышали о нем, верно? Ирония в том, что это мог быть не я. Ирония в том, что пятых герцогов было непозволительно много. Просто название должности, место работы. Номер комнаты в гостинице, если хотите.

Если мне не удастся сделать из клиента террориста-смертника. Если я не смогу напичкать его необходимым и отправить наверх, туда

отправят меня. Готовую чистую душу. Душу без воспоминаний, без привязанностей, все в лучших традициях небесной канцелярии. Никто не заметит разницы. Асмодеус, пятый герцог, останется в комнате с четырьмя стенами, стулом и лампой дневного освещения, но это буду уже не я.

Мальчику предложили мое место. Никогда не смотрели бои без правил по кабельному?

***

Глаза у него большие, заплаканные. Он заходит в комнату нерешительно, закрывает дверь. Минуту назад на стуле сидела Мери, но теперь душа ее улетела вовне, и кабинет чисто убран.

Он выхватывает взглядом контуры стен, задирает голову, чтобы запомнить источник света, обращает внимание на стул в центре. Потом садится, наизнанку. Спинка спереди, он положил на нее ладони, а сверху – голову. Выглядит безобидно и мило.

– Меня зовут Асмодей, – говорю я.

– Я знаю, – отвечает он.

Сражение начинается. У меня есть фора, я знаю правила игры. Дьявол не вышвыривает ценных сотрудников. Просто немного конкуренции. Свежая кровь помогает сохранять в коллективе нужное настроение. Вы сильнее рвете задницу, если вам в спину дышит преемник. Надеетесь, что вас повысят. Знаете, кто стоит над пятым герцогом Ада? К сожалению, никого. Моя ступень – верхняя. Я попал сюда слишком давно.

Я не сидел на стуле, помните?

– Мне надо разрыдаться и раскаться, верно? – спрашивает он.

– Искренне, – уточняю.

Он ухмыляется. Злой, жестокий мальчишка. Сколько ему лет? Двадцать? Тридцать? Судя по щетине, никак не меньше. Теперь это происходит позже. Половое созревание, так они это называют. Для

нас вы все равно остаетесь мальчиками и девочками. Ничего не меняется с самого рождения. Детство, юность, молодость, старость? Нет, это для тех, кто прошел через врата. Они повзрослели, научились нести ответственность, стали мудрыми и успели полюбить смерть. Они готовы идти дальше, собрали весь необходимый багаж.

– Асмодей, пятый герцог, – шепчет мальчишка. Губы его двигаются как в замедленной съемке. Он повторяет фразу снова и снова.

Тогда я достаю кнут.

Рукоять ложится в руку, отдавая прохладой. Несуществующие вещи, они возникают из глубин моего подсознания, или из другого мира, что не так уж важно. Они всегда под рукой.

И первый удар приходится по лицу. Удар, от которого он не сможет защититься. Удар, который он не забудет, даже если мое имя останется с ним навсегда. Шрам длинной в вечность.

Живого человека, на поверхности, на Земле, можно убить таким ударом. Не пытайтесь повторить это в домашних условиях. Трюки выполнены профессионалами. Кнут в моей руке – продолжение тела. Иногда клиенты отказываются начинать вежливый диалог.

Мальчишка смотрит прямо перед собой. Удар заставляет его отшатнуться, а я могу вспоминать миг испуга на лице снова и снова. Секунду, когда ехидная самоуверенность сменилась ужасом. Кровь стекает по лицу, и он еще не ощущает боли. После такого удара его сознание будет приходить в себя долго. Сначала оно осознает удар, затем себя, и только потом придет к жестокой мысли о боли. Мальчишка впирается в спинку стула ногтями, прикусывает язык, замуривает глаза. Страх сменяется болью. Что лично вы предпочитаете на чужих лицах? Страх или страдание? Меня устроит любой вариант.

– Меня зовут Асмодей, – повторяю. Вслух произношу собственное имя, закрепляю его за собой. Мое сокровище, мой подарок.

Взмах, и еще один удар – не отдам.

Взмах, удар – мое.

Взмах, удар – мой.

– Меня зовут Асмодей.

Пинком отправляю стул вместе с мальчишкой в дальний угол.

– Назови собственное имя, – выплевываю вместе с серой. В лучших традициях Средневековья. Некоторые из вас так и не переросли его. Некоторым нравится погорячее.

– Билли, – бормочет паренек.

– Расскажи, Билли, что же в тебе особенного.

Если бы дело происходило на поверхности, если бы у Билли было настоящее тело, теперь он был бы уже мертв. Вы знали, что смерть от болевого шока была распространенной проблемой врачей Средневековья? Пока ты ампутируешь ногу, пораженную гангреной, твой подопечный отбрасывает коньки, заливая горе бражкой. Некоторые уходили в мир иной постепенно, некоторые – быстро, от сердечного приступа.

– Расскажи, Билли, – несуществующая кожа кнута рассекает предплечья Билли, которыми тот загородил свое щедедушное тело.

Мне становится легко. Смешно, радостно. Душа Билли – простое дело. Здесь не может возникнуть неприятностей. Имя останется при мне.

– Ни-ничего, – выплевывает Билли. Он начинает лебезить, поэтому я хватаю его за горло и отправляю в полет к противоположной стене. Тело ударяется о стену, мальчишка кашляет, выплевывая кровь. Повреждение внутренних органов. Распространенная смерть во время рыцарских турниров. Удар копья в грудную клетку – разрыв селезенки. Прямое попадание мечом – отказ почек. Билли испытывает на себе то, к чему его средневековые предки почти успели привыкнуть.

– Расскажи, Билли, как же ты оказался здесь, – подталкиваю подбородок Билли рукоятью кнута, заставляю его посмотреть мне в глаза. Он зажмуривается и получает пощечину. Когти оставляют на щеке заметный след. Шрамы, которые я создаю, быстро исчезнут, но память о них останется с Билли навсегда. Переродившись, стоя перед зеркалом в дешевом мотеле, Билли будет разглядывать свое новое лицо и замечать там следы несуществующих рубцов. Ты меня никогда не забудешь, так вы говорите любимым? Единственный, кого будет помнить Билли всю свою новую жизнь, – я.

– М-меня убили, – отвечает он. Из уголка рта стекает тонкой струйкой смесь слюны и крови. Крови там больше, и я отпускаю Билли, потому что пределы его сознания могут оказаться очень хрупкими. Сломать такую душу – пара пустяков, а мне нельзя этого делать. Тоже самое с боями без правил по кабельному – никаких смертей, только впечатляющее шоу.

– Кто тебя убил? – спрашиваю я. Отступаю подальше, достаю из небытия сигарету и закурываю.

– Люди, – отвечает Билли.

В нем нет ничего необычного, он смотрит открыто, и вызов, который был с ним, когда он вошел в комнату, растворился в слезах, размазанных по лицу. Сейчас Билли не назовешь красивым, он весь изуродован ссадинами, кровоподтеками, рваными ранами.

– Какая-нибудь секта? Ты плохо ел кашу? – моя ирония заметна невооруженным взглядом. Я презираю его, и надеюсь, что этого чувства ему хватит для того, чтобы подняться. Единственное, что поднимает людей с колен после адской боли – гордость.

– Я просто был не тем, кем должен был стать, – отвечает Билли. На его изуродованном лице вспыхивает злость. Ненависть, почти ярость. Я улыбаюсь. Нет никакого сомнения, что он попал ко мне по собственной вине. И, тем не менее, он винит людей.

– Расскажи мне о своей жизни, Билли, – говорю я. – Присядь, – я указываю вежливым небезразличным жестом на стул.

Ноги плохо слушаются Билли, но он все же доползает до стула, подтягивается и садится. Он упрямый. Упрямый, наглый и злой – беспроектный набор. Билет в один конец. Мне придется немного сжульничать. Сделать так, что ему дадут второй шанс. Оправдают по всем статьям. Вам доводилось быть адвокатом дьявола? Вы когда-нибудь были поручителем по кредиту для человека, в чьей добросовестности у вас имелись сомнения? Вы утешали нерадивую жену, когда ее бросал муж? Вы говорили ребенку, что в его плохих оценках виноваты учителя? Наверняка, вы понимаете, о чем я. Билли придется вернуться к людям, потому что я не хочу того же для самого себя. Меньше всего я хочу вернуться на поверхность. Никто из нас не хочет этого. Короткая, лишённая всякого смысла жизнь, страшный конец и глухое одиночество по пути. Не пожелаешь даже врагу, правда?

– Все началось с Аманды, – говорит Билли. Сейчас я уверен, что ему уже исполнилось тридцать. Двадцатилетние редко начинают истории своих жизней с таким расчетливым пафосом.

– Твоя подружка? – спрашиваю я, затягиваясь.

– Моя мать, – равнодушно отвечает Билли. Я слушаю очередную историю чужого детства.

***

Выполнение плана, вам знакомо это выражение? Выполнить план. Надбавки за переработку. Знаете, что это такое?

Мне нужно отпускать по меньшей мере одну душу в день. Двадцать четыре часа на поверхности, и я обязан закончить искупление одной души. У чертей сроки совсем другие. Месяцы, годы, иногда десятилетия, зависит от твоей бездарности и настроения начальства. Иногда отдел планирования завышает объёмы, особенно часто это происходит во время войн или эпидемий. Приходится работать на износ.

Работа, которую я выполняю, не терпит брака. Вы можете подсунуть один просроченный йогурт, и какой-нибудь бедолага

просидит на толчке больше нужного. Вы не можете испоганить душу и считать, что вам это сойдет с рук.

У меня и Билли остается двадцать часов. Он не знает об этом, он сидит на стуле и вспоминает, как соседская девочка отказалась дать ему половинку бутерброда. То были голодные дни для Билли, но я смотрю только на стрелку часов. Циферблат Билли не видит, он предназначен для меня. Двадцать четыре часа на то, чтобы сделать из Билли человека. Интенсивный курс воспитания.

В моей руке появляются щипцы.

– Расскажи мне, почему ты здесь, – я спрашиваю снова.

Хороший психотерапевт, прежде всего, выясняет, для чего клиент пришел к нему на прием. Ищет настоящую причину. Не ту, что сознание подкидывает, как ничего не значащий повод. Бессонница, плохие сны – все это симптомы. Специалиста высокого класса интересует причина. Первооснова чужой болезни. Я ищу надлом души Билли, и у меня осталось два десятка часов.

Пальцы Билли немеют после того, как я вытаскиваю обгрызенные, покрытые остатками черного лака ноготки. Билли не может шевелить ими, они конвульсивно дергаются сами по себе, в такт с его сердцебиением. Билли в ужасе смотрит на меня. Он считает, что история про Аманду тянет на исповедь перед герцогом Ада. Он считает, что украденный бутерброд – достаточное основание для пыток. Он не понимает, о чем идет речь, его сознание настойчиво отгораживает самое главное. Заботливо баюкает рану на душе, огромную черную дыру, которая засасывает самого Билли внутрь, не пуская вовне.

– Расскажи мне, какую из заповедей ты не нарушал, – говорю я.

– Расскажи мне, что ты здесь делаешь.

Обломки ногтей валяются перед Билли, на красивом кафельном полу. Их отлично видно в ярком свете лампы. Он рассматривает

кусочки самого себя, медленно переводит взгляд на меня и начинает плакать.

***

Познакомиться с клиентом, отпустить грехи, отправить душу в бесконечное путешествие – вот что мне нужно делать. Билли – заноза. Он – незапланированный ребенок, застрявший между зубов кусочек курицы, назойливые визги весенних котов.

Остается десять часов.

Изломанный, бледный, как мел, он сидит на стуле, вцепившись в него заново отросшими ногтями, и раскачивается взад-вперед. Его сознание глухо, оно превратилось в сплошную стену, сквозь которую ничто не проникает наружу.

Он – брак. Отправлять его на родину было ошибкой, и я понимаю это.

У меня остается десять часов.

Кому-то в Аду удалось обставить меня, переплюнуть на добрую бесконечность.

***

Билли молчит. Час назад он выдал последнюю фразу, что-то про вкусный компот, и с тех пор бормотание прекратилось. Его глаза пусты, он не реагирует на боль. Дыра, которую он так берег от меня, затянула его целиком.

Я устало сажусь напротив. У меня все еще есть крылья, я все еще могу извлечь из небытия любой известный мне предмет. В этой комнате моя власть безгранична, но все зависит от него. Если Билли не справится за оставшийся час, дверь откроется, и мне придется вернуться на землю. Билли будет пятым герцогом Ада, Асмодеем. И спустя минуту дверь откроется, пропуская его первого клиента.

Водоворот. Вот во что это превратится. Быстрая смена кадров, активная ротация. Каждый день фирмы, которые торгуют каким-

нибудь шлаком, вроде батончиков со вкусом мяса или овощей с запахом фруктов, все эти невероятные ребята набирают сотрудников каждый день. Никто не справляется с работой. Никому не под силу продать кусок резины под видом бифштекса. Рано или поздно ты сходишь с ума и увольняешься. Билли не станет Асмодеем. Он все равно попадет на Землю.

Но после меня.

Увольнение без выходного пособия, вот как это называется.

Остается один час.

***

Известно ли вам, как ведут себя сотрудники, которые наверняка знают, что их уволят? Знаете ли вы, что такое оторваться по полной?

Я снимаю пиджак, приспускаю узел галстука, достаю очередную сигарету, включаю музыку – что-то зажигательное и броское.

Мне все равно. Билли молча смотрит в одну точку, но у него все еще есть один недостаток – он оголенная душа смертного. Беззащитный, неспособный сопротивляться, он сидит на стуле, не делая ничего. Игра в поддавки. Вам достаточно вытерпеть невыносимую боль и молчать двадцать четыре часа, тогда вас ждет супер-приз. Мы не говорим об этом, потому что это наш самый большой страх. Ночной кошмар.

Каждый клиент, каждое дело, каждая душа – все может быть в последний раз.

Я ухмыляюсь. Есть только одна вещь, оставшаяся нам со времен сотворения мира, которую один человек может сделать с другим. Только одна вещь, оставляющая в памяти неизгладимый след. Только одна, ломающая гордость. Вы можете вытерпеть пытки паяльником, можете смеяться над человеком, который бьет вас битой по спине, но все еще остается последний сценарий.

Мне рассказывали, что где-то в соседней комнате есть один ненормальный, который использует эту штуковину по любому поводу. Даже не утруждает себя сотворением одежды. Вместо стула у него кровать. Это кажется мне дикостью.

Я ухмыляюсь. Билли продолжает сверлить взглядом пустоту, на его измученном бледном лице застыли следы крови, но синяки и раны уже затянулись. Билли выглядит красиво и гипотетически, очень гипотетически, если вы больной или извращенец, Билли может возбуждать. Приятная часть моей работы заключается в том, что у меня абсолютная память. Именно поэтому я не хочу попасть обратно, на поверхность.

Невыносимо быть на поверхности и помнить его.

Его, понимаете?

Достаточно вспомнить голос, дыхание, контуры фигуры, и тебе срывает башню. Почтительно ли это, думать так о своем начальстве? Судя по тому, что я слышал от своих клиентов, не особенно.

Единственный бонус, нематериальная мотивация, награда за труды – память о нем.

Вы когда-нибудь говорили с Богом? Нет, и я тоже. Никто никогда не говорил с богом. Зато я говорил с его противоположностью, и знаете, что хочется делать после таких разговоров?

Билли весит совсем мало. В отличие от бульдозера Мери, которая казалась неподъемным испытанием, Билли костляв. Он повисает на моей руке, пока я перетаскиваю его к стене и разворачиваю спиной к себе. Смотреть на его лицо? Нет уж, спасибо.

Билли все еще молчит, но как только я касаюсь его брюк и спускаю их на пол, он начинает дергаться. Можно отрешиться от чего угодно, от любой низости, боли, жестокости, но вы никогда не сможете игнорировать изнасилование души. Мы даже не шутим об этом, верите?

Душа Билли запечатана наглухо, ее не пробить тараном – я уже пробовал. Но теперь он пытается вырваться, выкручивает себе руки, и мне приходится раздобыть пару наручников. Старомодных стальных, с фантазией у меня туговато, что поделать.

– Остался час, – говорю я, наклоняясь над ухом Билли. – И ты никогда его не забудешь.

Преимущества демона в том, что тебе не нужно задумываться о материальном мире. Не нужно есть, не нужно беспокоиться о болезнях, о внешнем виде – все это не имеет никакого значения, пока ты находишься в собственной комнате. Здесь материальный мир подчиняется тебе полностью, здесь ты хозяин. Поэтому я не задумываюсь ни о чем и просто вхожу. Проникаю внутрь, в чужую душу, через парадный вход. Билли кричит от боли, и я запихиваю ему в рот галстук, завязывая узел на шее. Возможно, это тоже больно, но Билли вряд ли замечает такую боль. Ему теперь есть о чем подумать.

По бедрам вниз стекает кровь. Ее бы не было здесь, если бы Билли не верил в то, что это обязательно. Психосоматика, знаете, что это такое?

Ему неприятно, это уж точно. Он пытается вырваться, извивается всем телом, плачет, срыгается на стоны от боли. Я вспоминаю совсем другое существо. На секунду у меня в голове возникает святотатственный образ, и я представляю себе вместо Билли его. Хорошо, что нас не проверяют на детекторе лжи, верно?

Спустя минуту Билли начинает мычать нечто связанное. Я увлечен, меньше всего на свете сейчас я хочу останавливаться. Возможно, это мой последний секс. У вас такое бывало? Знаете, как последняя сигарета. Потом вы выбрасываете пепельницу и зарекаетесь брать их в рот.

– Валяй, рассказывай, – говорю я. Развязанный галстук падает на пол. Говорю же, реальность комнаты подчиняется мне беспрекословно.

– Это моя мать, – сквозь стоны выплевывает из себя Билли. Я все еще внутри, и мне слишком хорошо. Вы когда-нибудь пытались вытащить кусок мяса из пасти голодного волка?

– Что там с твоей матерью? – честно говоря, мне плевать. Остается пятьдесят три минуты моей жизни, и это время можно потратить со вкусом.

– Моя настоящая мать, – продолжает Билли, преодолевая боль, – Мери. Ее звали Мери. Она убила моего брата.

***

Мы сидим в разных углах, и я смотрю на стрелку часов, которая маячит у меня перед глазами. Билли курит. После всего он попросил только сигарету.

– Я не могу вернуться туда, – говорит он. Святой. Мученик-самоубийца. Бомба замедленного действия.

Затягивается.

– Я тоже, – на моих губах мучительная гримаса. Беседа с Мери, разговор с Билли – все это было частью большой игры. Когда вас увольняют, барахтаться бесполезно.

Знаете истории о врачах, которые пересаживали пациентам собственные органы? У тебя есть только одна лишняя почка, но печень ты можешь отдавать по кусочку. Распилить себя, отдать самое дорогое. Кажется, я начинаю сгорать на работе.

– Я найду тебя, Эсме, – он грустно улыбается.

– Меня не нужно будет искать, – я улыбаюсь в ответ.

Он изломан, раздавлен, стерт под моими руками. Я вывернул его наизнанку, превратил в блеклое пятно, размытую тень человека. Никогда в жизни, этой, новой, следующей – не важно. Никогда в жизни он не забудет этого дня. К сожалению, этого недостаточно, если ты святой.

Знаете, что должен был сделать Иисус в Гефсиманском саду? Убить себя. Знаете, в чем заключалось подлинное искушение дьявола? Ворота открыты лишь для тех, кто пошел до конца. Нельзя играть в полсилы и ожидать, что тебя пропустят без очереди. Исключения из правил делают только для тех, кто не жалел себя.

Можно прожить всю жизнь праведником, можно растратить всего себя, помогая другим, но потом появляется одна заноза. Одна единственная рана. Ты оступаешься. И пути назад уже нет.

Билли смотрит на меня своими бездонными глазами, полный сочувствия, раскаяния, жалости, но я вижу только острый край его души. Рана, которую он носит в себе, оказалась заразна.

Пять минут, и дверь распахнется.

– Самое главное – относиться к ним по-человечески, – говорю я напоследок. – Самое главное – любить их.

Дверь открывается. Я оборачиваюсь, чтобы увидеть комнату в последний раз. Четыре стены, стул, лампа, кафельный пол. Билли держит в руках мой галстук, он все еще пропитан его кровью. Билли улыбается мне, и я знаю, что он скажет:

– Я прощаю тебя.

Дверь закрывается.

ПОМОЩНИК СМЕРТИ

Асмодей склонился над жертвой, медленно вынимая стилет из грудной клетки. Согретая его теплом сталь легко выходила из тела женщины, позволяя крови найти короткий путь во внешний мир. Алое пятно равномерно расплзалось по ткани белоснежной блузки. Жертва уже не могла дергаться, но все еще хрипло дышала – редкие конвульсивные движения ног и рук не мешали ему закончить работу.

– Эми, за... – пробормотала женщина, а через мгновение её взгляд остекленел. Кровь на блузке тут же замерла – пульс больше не помогал ей пробиваться наружу, и очень медленно на асфальте под телом стала проявляться бордовая лужа.

Что она хотела узнать? Зачем? За что? Какие глупые вопросы, учитывая все обстоятельства этого контракта.

Асмодей положил стилет возле жертвы, облегчив работу местной полиции, а потом неторопливым шагом направился вдоль улицы.

Рассвет только-только занимался. Лучей солнца еще не было видно, только серо-голубая дымка расплзалась над крышами маленького городка. Скоро по заведенной с давних пор привычке поедет молочник, начнут разносить газеты.

Тело в тупике проулка найдут не раньше полудня – собаки, скорее всего, местных жителей такие места не интересуют.

Спустя полчаса он неторопливым шагом добрался до своего автомобиля возле дешевого мотеля, оплатил сонной и почему-то заплаканной консьержке двое суток своего пребывания в N, а потом залез в старенький серый седан забытой всеми богами модели и покати по узкой дороге к федеральной трассе.

– Эми, – пробормотал он, проезжая табличку-уведомление о пересечении границы округа. – Хорошо ещё не Модди.

Абсолютно лишенное каких-либо эмоций выражение лица уступало место легкому прищур, сжатым в скупую линию губам и неожиданной для такого сочетания подвижной мимике. Асмодей достал из бардачка пачку дорогих сигарет, открыл окно и с наслаждением затянулся, разглядывая умиротворяющий пейзаж за окном.

– Сучка, лучше бы ты называла меня Модди.

В его последнем деле поведение жертвы сыграло решающую роль при выборе способа убийства. После знакомства с Мэри Энн он хотел использовать нехитрую смесь медикаментов, которую местный дурачок, выдающий себя за патологоанатома, счел бы сердечным приступом. Тихая смерть, скромные похороны, мир и покой. Асмодей спланировал неплохой сценарий, даже потратил на это пару долларов из собственного кармана. Купил ей цветок.

Но курица Мэри по непонятной причине прониклась к нему кошачьей симпатией: ластилась, флиртвала, заигрывала. Словом, вызвала в нем непреодолимое желание изменить план, развернув характер смерти на полные сто восемьдесят.

Эсми.

Чертова дура!

Он хлопнул кулаком по приборной панели и выбросил недокуренную сигарету в окно.

«Чертова дура» напомнила ему о том, что давно осталось за пределами желаний и перешло в печальный список несбывшихся надежд.

Никогда уже ему не вернут прежнее место: эта машина, дороги, проклятая работа – вот и всё, на что можно рассчитывать. Никогда уже его не назовет «Эсми» тот самый. Настоящий.

Заметив автостопщика, он притормозил – путь до следующего контракта был неблизким, и оставаться наедине со своими мыслями Асмодей не хотел.

– Привет, братишка! – донеслось с обочины, и водитель машинально занес ногу над педалью газа, чтобы вдавить до упора, но потом прикинул, как далеко они от ближайшего жилья и заправки, и как низко нависли над полями тучи.

Черт с ним, пускай будет «братишка».

С виду пассажира можно было принять за ровесника Асмодея, и паренёк сразу расслабился, грохнул вещи на пыльное заднее сиденье, сам приземлился рядом с бардачком и тут же залез внутрь.

Человеческое хамство поразило Асмодея до глубины души. Все-таки не зря он взялся за эту сложную и нудную работу – пользу она приносит немалую.

– Прикурю, не против? – парень запихнул в рот сигарету, не дожидаясь согласия, чиркнул собственной зажигалкой в форме утки и надвинул поглубже козырек бейсболки с устрашающей апокалиптической надписью в стиле хэви-металл.

– Откуда едешь? – Асмодей хотел отвлечься и сделал попытку вывести разговор в интересующее его русло. Послушать историю хиппи с рокерской бейсболкой было бы любопытно.

– Да тут неподалеку городишко есть – вот оттуда, – без особого энтузиазма отозвался юный курильщик. – Твоя машинка?

Асмодей кивнул.

Станный у него попутчик. Судя по характеру и манерам, ему только повод дай потрепать о себе, а вдруг уперся, уходит от ответа. Он напрягся – подвижное лицо вновь превратилось в холодную маску. У паренька, должно быть, серьезные проблемы. Не по возрасту.

– К родным? – закинул удочку Асмодей, когда они проехали пару миль. Тишина в компании с большим любителем халявы была вовсе не той формой развлечения, которая могла бы отвлечь его от дурных воспоминаний и последнего дела.

Эсми. Вот ведь надо было ляпнуть!

– Не, там посмотрим, – отмахнулся парнишка.

Неопытный. Рассказывать не хочет, а врать не умеет. Проще всего в такой ситуации было бы ответить «да», закончив диалог. Умелый лжец рассказал бы историю про троюродную бабушку – таких Асмодей обожал. Он наслаждался каждой буквой, позволяя себе изредка облизываться и улыбаться. Вруны не замечают ничего вокруг, погруженные в свой выдуманный мир, но хорошие вруны – эти смотрят за реакцией собеседника. В компании с Асмодеем изобретались истории, достойные публикации и громких премий.

Но этот парень, похоже, попал в переплет впервые.

Асмодей искоса осмотрел его: новые кеды, идеально чистая футболка, ношенные брюки, несколько самодельных фенечек на руках.

– С предками жил?

Конечно, он жил с предками: они стирали ему одежду и покупали вещи, когда старые приходили в негодность. Следили за ним и заботились. Были, пожалуй, и друзья – плетение браслетов отличалось, их делали разные люди.

Асмодей притаился в ожидании ответа. Спутник начинал ему нравиться.

– Да, с мамашей и ее хахалем, – нарочито равнодушно отозвался парень.

Значит, с новым бойфрендом мамы начинающий стопщик не ладил.

Доверие и непосредственность остались. Стало быть, «чужой дядя» не бил. Учитывая характер паренька, Асмодей поставил на воспитание. Отчим надавил на молодого юношу, который только-только выбрался из отчаянного подросткового возраста, и вот парень решил искать свою судьбу. Взял самое необходимое, и про фенечки не

забыл. Девять штук – столько не носят каждый день, особенно при рокерской кепке. Память, друзья. Наверняка где-нибудь среди них еще и подарок от бывшей.

– И чего ты от них? – Асмодей изобразил на лице среднестатистический интеллект и легкий интерес. – Лапал он тебя, что ли?

Парень едва не подскочил на месте. Возмущение, страх, должно быть облегчение от того, что все было еще не так плохо – целая куча эмоций. Асмодей откинулся в кресле, ощущая в собеседнике вызванный парой предложений вихрь, и отчаянно хотел закурить. Бардачок был рядом с парнем, а отвлекать его от переживаний сейчас совсем некстати.

– Не, он просто...

Стопщик смотрел на ситуацию по-новому и подбирал слова. Что он может сказать после такого предположения?

Бил?

Нет.

Выгонял из дома?

Нет.

У парня просто нет чего-то, сопоставимого по масштабу с предположением водителя, и теперь он боится выглядеть глупо.

Напряжение звенело в воздухе, Асмодей мысленно улыбался, предвкушая ложь или исповедь – подойдет и то, и другое.

– ... ну, он лез, куда не надо. Начал учить, как правильно с женщинами...

Асмодей бросил короткий взгляд в сторону собеседника – сморщенный лоб, костяшки пальцев напряжены, глаза блестят.

Гнев.

Чудесно.

Отчим начал объяснять отпрыску нерадивого бывшего как вести себя с женщинами. Наверняка коснулся в разговоре матери. Паренёк свёл концы с концами и понял, что взрослый чужой дядя винит его родного отца в плохом обращении с заботливой и внимательной матерью.

– Да, это они любят, – Асмодей понимающе покивал. Не слишком часто, как будто задумался о чем-то. Посерьезнел.

Ты можешь мне доверять, мальчик. Я твой ровесник, и у меня те же проблемы.

– Эй, братишка, а звать тебя как? – тут же отреагировал парень. Ну, просто как новенькая игрушка – никто еще не пользовался, и реакции до смешного живые.

– Асмодей.

– Типа, по-настоящему? – не поверил парень, смешно выпучив глаза. В этой старенькой машинке при его скромной одежде зваться Асмодеем. Смешно, да.

И еще немного больно.

– По-настоящему, – он испытал раздражение.

Начинаешь втягиваться, аккуратнее.

– Я Билли, – парень, не заметив перемены в собеседнике, подал руку, – Билли Рипер.

Рипер.

Иронично.

В такой глуши среди полей предсказуемо, но все равно иронично. Сразу два «рипера» в одном стареньком седане. Асмодей улыбнулся и пожал руку.

Немного влажные от пережитого волнения, пальцы с силой вцепились в ладонь Асмодея – хочет показать, что силен и уже вырос.

Хороший парнишка.

Рипер. Вот ведь умора.

– Ну, и куда же ты едешь, Билли Рипер? – улыбаясь, спросил Асмодей.

– Хочу в большом городе наняться на работу, снять койку и потихоньку подняться, – поделился планами стопщик.

Чудно.

Мальчик просто классика жанра.

Выросший на молоке матери, с отстиранной футболкой, паренёк покидает родной город, попадает в трущобы, видит реальность. Ломается.

– На кой тебе работа?

– Ну, деньги-то нужны, – настороженно отозвался Билли. Что-то в Асмодее начало его настораживать. Может быть, имя, а может то, как уверенно он в свои годы ведет автомобиль.

– Тебе лет-то сколько?

– Двадцать один, – ответил Билли, расплываясь в широченной улыбке, – вчера исполнилось.

– Ясно.

Билли вдруг помрачнел и осунулся. Асмодей видел, как искренняя радость от долгожданного для большинства парней совершеннолетия сменилась на его лице растерянностью и страхом.

Всё шло как-то неправильно.

Асмодею хотелось развлечения, но мальчишка невольно втягивал его в свою жизненную драму, а ломать чужие судьбы походя, в салоне

автомобиля, совсем не хотелось. Посмеяться, наврать друг другу с три короба, перемыть кости какому-нибудь политикану – то, что нужно между контрактами. Но не это.

Асмодей резко развернул автомобиль и вдавил педаль газа.

– Слушай внимательно, Билли, – спокойным голосом начал водитель, привлекая внимание испугавшегося парня. – Я отвезу тебя поближе к городу, скажем, за полмили от въезда. Оставлю тебя там, а ты возьмешь свой рюкзак и вернешься домой.

– Останови тачку! – закричал перепуганный до смерти Билли. Перспектива возвращения по какой-то причине пугала его. Руки у паренька начали мелко дрожать.

Что-то он темнит.

– Ты что-то сделал перед отъездом? – Асмодей резко нажал на тормоз.

Билли пытался открыть дверь, но руки не слушались его. В конце концов, убедившись, что машина стоит на месте, а водитель остается на своем сиденье, Билли поджал под себя ноги, обхватил их ладонями и начал раскачиваться.

Асмодей ненавидел истерики даже сильнее розовых сопель несчастных барышень, которые доставались ему по контракту. Если жертва закатывала истерику, он срывался и терял контроль над собой, несмотря на все приготовления.

Билли рыдал.

Достав из бардачка в обход трясущегося парня пачку сигарет, Асмодей закурил.

Редкие капли начинающегося дождя разбавили тишину в салоне, через минуту начался ливень.

– Мокро внутри и снаружи, – уныло прокомментировал Асмодей, продолжая курить. Когда всхлипы сменились осторожными

вздохами, он обернулся к парнишке. – Рассказывай уже, что у тебя там случилось.

Вместо ответа Билли приподнял девять фенечек, которые навели Асмодея на мысли об обилии друзей. Под ними виднелся ещё свежий синяк. Рука крупная, мужская. Асмодей удивленно поднял взгляд на Билли.

Собственная ошибка поражала и дарила надежду на интересный исход.

Юный Рипер тем временем спустил браслеты обратно. Он снял кепку и бросил на заднее сиденье – на виске Билли остались следы запекшейся крови, а острый глаз Асмодея приметил даже крохотные осколки стекла.

Вряд ли он успел помыть голову – умылся, взял самое необходимое и побежал. Делать поверхностные выводы Асмодею расхотелось.

Ситуация развернулась так же круто, как десятком часов ранее он сам передумал убивать жертву ядом. У Билли какие-то проблемы, и они связаны с отчимом. След от удара и сильного захвата.

– В полицию не пробовал? – Асмодей зашел издалека, не рискуя больше.

– Он там работает, – Билли шмыгнул носом и размазал остатки слез тыльной стороной ладони.

– Расскажешь, что на самом деле он...? – не закончив фразу, Асмодей откинулся на спинку водительского кресла и достал очередную сигарету.

– Да чего тут рассказывать, – дыхание Билли снова сбивалось, и его благодетель приготовился терпеть очередной приступ истерики. Однако миновало. Парень взял себя в руки и спокойно продолжил. – Ты угадал сходу. Напугал меня до чертиков. Думал, у меня на лице написано.

Асмодей медленно развернулся к «братишке».

Расслабленный тон, подростковые вещи, легкая форма хамства и наглости – всё это превращало Билли в окруженного родительской заботой благополучного, но своенравного молодого человека.

– И давно он?

Что-то внутри Асмодея подозрительно резко щелкнуло, словно переключили тумблер. От непринужденного тона не осталось и следа.

Билли только кивнул несколько раз, погружаясь в неприятные воспоминания.

– С матерью говорил?

Пара резких взмахов головой.

Нет.

Конечно, нет.

Водитель, на сей раз аккуратно, развернул автомобиль и поехал в прежнем направлении. Возвращать Билли Рипера нет никакого смысла.

– Зовут-то тебя как?

– Чарли, – хрипло отозвался парень, – дай закурить, а?

Они ехали молча еще с милю, а потом Билли-Чарли обернулся к Асмодею и осторожно спросил.

– Тебя правда так зовут, да?

Асмодей терпеливо кивнул. Когда сам врешь с три короба, да еще так качественно, вживаясь в роль, кажется, что все вокруг тоже врут.

– А лет тебе сколько?

– Много, – лаконично ответил Асмодей. – Подброшу тебя до N, дам номер одного парня. Мобильник есть?

Чарли отрицательно помотал головой.

Выбросил.

Правильно. Полицейский быстро пробьет его через электронику. С таким вкусным компроматом Чарли-Билли мог бы использовать отчима на полную катушку, но не вышел характером. Так что теперь скрываться ему нужно будет очень умело.

– В бардачке две сотни, возьми, – Асмодей не сводил глаз с мокрой трассы – они ехали сквозь ливень.

– Нет, спасибо.

Боится.

Еще бы.

– Возьми деньги, мне не сложно, – повторил Асмодей. – Поднимешься – вернешь. Не самая крупная сумма.

– Зачем я тебе сдался? – Чарли мял в руках бумажки.

– Давно не помогал никому, приспичило, – холодно отозвался Асмодей.

Он и сам толком не понимал, зачем делает это. Резкий порыв, похожий на жизненную необходимость. Возможность на короткий срок почувствовать себя хозяином чужой судьбы. Как раньше.

Две сотни помогут ему оплатить жилье, купить телефон, а надежный человек даст честную и не слишком тяжелую работу. В самый раз для Чарли.

Без них он обречен остаться наедине со своими воспоминаниями в незнакомом месте. Судьба у него будет не завидной, а при первой же возможности он воспользуется шансом отомстить – кому угодно, первому встречному. За испорченное детство.

Вот тогда за ним и придет кто-то вроде Асмодея.

Убрать мусор.

– Спасибо, – вдруг нарушил тишину Чарли. – Я думал, ты меня выпрешь.

– Ладно тебе, – Асмодей изобразил на лице смущение. Зачем рассказывать ребенку, что для него означает эта маленькая возможность?

Почувствовать себя тем, кем он больше никогда не сможет стать.

– А чем занимаешься? Машинка-то не ахти. Без обид.

– Выполняю контракты, катаюсь на ней из города в город. Движок хороший, подвеска новая, чего еще надо?

– Ну, я бы хотел себе покруче, – улыбнулся Чарли. Он как будто ожил за две несчастных сотни.

– Голодный? – спросил внезапно водитель

Они остановились возле придорожной забегаловки. Рядом продавали товары в дорогу.

– Не особо, – отозвался Чарли.

– Выпьешь кофе?

– Давай.

Внутри было накурено, а из-за дождя к тому же влажно и душно. По дороге ко входу в кафе Чарли промок, и волосы облепили его рану – Асмодей услышал запах крови.

– Сходи промой, – посоветовал он, когда они сели за угловой столик. Отсюда было видно их машину, но при этом не пришлось бы слушать трескотню собравшегося возле кассы персонала.

– Потом, – отмахнулся Чарли. – Не страшно.

Действительно не боится – привык.

Пока Асмодей поглощал местный завтрак, Чарли цедил эспрессо, морщась от зловещей провинциальной крепости.

– Ну, а ты чего ждал? Здесь парковка для грузовых, половина клиентов дальнобойщики. – Усмехнулся Асмодей.

– Не хочу быть дальнобойщиком, – поддержал тему Чарли. – Я бы по контракту пошел, но у меня со здоровьем не ахти.

Парень молодец. Умный. Только с таким характером, да еще с такой травмой в армии ему делать нечего. Один плюс – туда связи отчима-полицейского не дотянутся.

– На стройку можно, в N сейчас много строят, – предложил Асмодей. – Потом в бригады, а это уже очень неплохо.

– Не прокатит, – грустно усмехнулся Чарли. – Говорю же, здоровье.

– И как ты собрался на жизнь заработать?

Асмодей поднял кусочек курицы вилкой, но ответ парня поразил его настолько, что вилка, курица и добрая половина колы оказались на полу.

Чарли многозначительно улыбнулся, откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу, а потом – здесь-то вилка и грохнулась на дешевый кафель – облизал губы кончиком языка.

Невинный мальчик, которого обманут в первой же подворотне? Асмодей не заметил, как разлитая кола пропитала брюки.

Пацан развел его на две сотни.

Развел тонко и красиво, оставив после благотворительной акции приятное послевкусие в виде чувства выполненного долга.

Асмодей даже решил, что ненадолго приблизился к своей мечте.

Ему было хорошо.

За две сотни.

– Эй, давай сбегая за салфетками? Тут закончились.

Чарли сорвался с места и быстро раздобыл пачку салфеток. Брюки будут липкими, но, по крайней мере, с них перестанет течь. Парнишка встал на колени, прикладывая сразу несколько салфеток к грубой ткани. Пальцы ловко перебирали бумагу, помогая сладкой воде впитаться. Асмодей посмотрел на парня, сидящего на корточках у него между ног.

Идеальная невинность.

Чарли поднял голову, встретившись взглядом со своим благодетелем. На его лице не было ничего кроме невинного желания помочь Асмодею с его случайной оплошностью.

– Может, лучше застирать в туалете?

В туалете.

– Ты мне хоть раз сказал правду? – усмехнулся спаситель.

– Сказал, конечно, – рассеянно отозвался Чарли, возвращаясь на место. Смену темы он, по всей видимости, воспринял как отказ от невысказанного вслух предложения. – Только всё это было год назад. Ты извини, – он залпом выпил эспрессо, от которого воротил нос совсем недавно. – Мне приятно, что ты со мной так. Вот, держи, – он вытащил из переднего кармана джинсов две помятые купюры. – Со мной все будет в порядке, не пропаду.

– Я вижу, – во второй раз усмехнулся Асмодей. – Ну, так и какие планы на самом деле?

– Какие тут могут быть планы? – пожал плечами Чарли-Билли. – Пожить еще чуть-чуть, вот и все планы.

– Ну, а как же отомстить? – закинул удочку Асмодей. – Не возвращался к ним?

– Нахер надо! – горячо воскликнул Чарли-Билли, перепугав официантку с уборщицей.

– Ладно-ладно, не злись.

В голове постепенно складывалась картинка, а вслед за ней рождался план. Конечно, куда проще было отделаться парой сотен, особенно учитывая, что на другом конце сегодняшней дороги его ожидал кейс с изрядной суммой. С другой стороны, простые способы его никогда не привлекали. Вот и сегодня он заморочился с античным стилетом, обеспечив жертву мучительной, но красивой смертью.

– Есть дело, – стараясь забыть о липких брюках, начал Асмодей.
– Раз ты у нас взрослый мальчик, можешь помочь. Тебе четверть, основную работу делаю я. Контракты мне подкидывают раз в неделю, продержишься год – соберешь денег до старости.

– Не-не, – Чарли резко поднялся из-за стола и направился к выходу, – за мокруху я не возьмусь.

Асмодей схватил его за руку и резко притянул к себе. Уборщица заинтересовалась сценой.

– Не дури, мальчик, я серьезно.

Чарли замер, внимательно разглядывая собеседника – он изучал лицо и фигуру, пытаясь прочесть то, что невозможно было скрыть словами.

– У вас проблемы? – грузная фигура местного менеджера чистоты нависла над столиком.

– Нет, все в порядке, – поспешно отозвался Чарли, а потом вернулся на место. Дама, недовольно качая головой, уплыла обратно к кассе. – Я, конечно, натрещал тут с три короба, братишка, но насчет мокрухи я серьезно. Даже не думай. Нет. – Он отчаянно тряс головой в знак протеста.

– Боишься попасться?

– Нет! – Чарли-Билли снова сорвался.

– Не кричи, нас и так слушают три пары любопытных ушек среднего возраста.

– Я не буду этого делать.

– Сказал же, работу я делаю сам, с тебя помощь и сопровождение.

– Сними себе мальчика в подворотне, – зло прошипел парень и на сей раз ловко увернулся от захвата, выбегая наружу.

– Счет оплатите! – прокричала оставшемуся за столиком Асмодею барменша.

На столе лежали две сотни.

Асмодей оставил их и бросился следом за парнем. Пускай загрызут друг друга за чаевые.

Убежать далеко Чарли-Билли не удалось. Кроме того, он явно колебался из-за сумки – вещи остались в машине.

– Ничего я тебе не сделаю, дурак, – Асмодей даже не сбил дыхание от пробежки. Смешная скорость, жаль, если бежать быстрее, это вызовет подозрение у случайных свидетелей.

– Слушай, да, я развожу людей на бабки, да, я могу переспать! Только не надо делать из этого неправильных выводов, хорошо? – всё его тело было напряжено и готово продолжить побег.

– Не бойся. Вернемся в машину, и я подброшу тебя, как договаривались. Чарли, я не собираюсь делать ничего плохого, – Асмодей надеялся, что парень послушает его сразу. Промокшая рубашка липла к телу, а длинные волосы путались в районе шеи. Он не любил мокнуть под дождем.

Пока они шли к машине, Чарли не к месту прокомментировал:

– Хорошо выглядишь.

– Я похож на мокрого пса.

– Они милые.

Асмодей усмехнулся.

– Ну, и что же ты делаешь?

Чарли-Билли не выдержал через несчастную милю и задал вопрос, с новым интересом разглядывая салон автомобиля.

– Что тут у нас? В меру грязно, но без мусора, никаких игрушек, нет вонючки для свежего воздуха, сиденья старенькие... О! Вы гляньте, да это же плед! – Чарли заметил на заднем сиденье под своей сумкой выглядывающий уголок вязаного одеяла. – Ты здесь спишь, что ли?

– Редко, – хмуро отозвался Асмодей. Когда приходилось спать в машине, он ощущал весь груз собственной никчемности. Опуститься настолько. От ощущения позора и унижения вспыхнули щеки.

– Эй, прости, братишка, не хотел обидеть, – заметив неожиданную метаморфозу, Чарли насторожился. – Ну, и что за работа?

– Мне передают контракт – имя человека. Моя задача – убить его. Способ и конкретное время остаются за мной. Оплата после выполнения. – Сухо отозвался Асмодей. Расписывать детали собственного занятия ему приходилось нечасто. Иногда он сообщал это собственным жертвам, но оборачивал в шутку. Кое-кто догадывался, и тогда начиналась ненавистная истерика.

– Вот так просто? Да ты, мать твою, чертов Леон! – изумился Чарли. – Знаешь, я первый раз сижу в машине с киллером.

– Уверен, что не первый, – вяло пошутил Асмодей.

– И что же, тебя не ловят? Приехал, убил, забрал деньги, и танцуем дальше?

– Не ловят, – отозвался собеседник. – Некому.

– В смысле? Ты и копов, что ли...?

– Да ладно тебе, что ты тупишь! – Неожиданно для себя, он сорвался. – Тебя подбирает твой ровесник на собственной тачке, которая подошла бы какому-нибудь старикану из «Гран Торино», и собирается ни с хуя одолжить пару сотен баксов. Ты правда считаешь,

что двадцатилетний парень может работать киллером, хладнокровно убивая цели и забирая бабки?

Серьезно? Тебя, похоже, не слабо приложили в последний раз, **братишка**.

Выговорившись, он откинулся на спинку и вдавил педаль до упора – машина теперь неслась через дождевые волны, и Чарли вжался в сиденье, опасаясь надвигающейся аварии.

– Эй, полегче, я жить хочу!

– Сиди и не рыпайся – может, больше так не покатаешься.

Они лавировали между машинами с такой точностью, что спустя пару минут страх Чарли сменился восхищением.

– Где научился так?

– Там, куда ты не хочешь.

– В смысле?

– Ты сказал, что хочешь жить.

– Не понял...

Чарли сидел, обдумывая полученную информацию, и делал выводы.

– Ты вампир, что ли?

– А не пойти ли тебе! – Асмодей резко затормозил, съехав на обочину. – Хватит строить из себя дурачка.

– То есть ты убиваешь, потому что тебе говорят убить? – вслух повторил Чарли-Билли, машинально потирая висок. Кровь уже запеклась. Асмодей гадал, по какой причине на самом деле стопщик оказался в таком состоянии. Не сошлись в цене? Их оказалось больше, чем он договаривался?

– Вроде того, если опустить несколько деталей, да.

– Зачем тебе я?

– Мне бывает скучно, а иногда очень нужны лишние руки. Просто так подыскать себе помощника я не могу – такую работу не ищут по объявлениям. Желающие обычно тупы или слишком жестоки, оба варианта меня не устраивают. В такой работе нужно быть хладнокровным и умным, а у тебя и того, и другого достаточно. Вот поэтому я предложил тебе долю. Суммы хорошие, ты не заработаешь за весь год столько, сколько со мной одной неделей.

– Да ладно, – Чарли хитро подмигнул, – я дорогая штучка.

– Не сомневаюсь, но мои цифры семизначные, – рассмеялся Асмодей. – Даже звездные задницы столько не стоят.

– Узнавал?

– Прикуси язык уже.

Они ехали в молчании еще несколько минут, и, наконец, Чарли-Билли кивнул.

– По рукам. Только в тачке спать отказываюсь, у тебя грязно.

– Ты хоть сообразил, кто я?

– Да, начхать, от людей ничего хорошего не видел, а ты две сотни за так предложил, – парень откинулся на спинку и расслабился. Впервые с тех пор, как оказался в этой машине.

– Ну, вот и хорошо. Тебе в больницу не нужно? – Асмодей указал на висок парня.

– Обойдусь, не первый раз уже. Каждый раз обещаю себе, что буду держать язык за зубами, но иногда такие хреновины попадают – уржаться. – Чарли широко улыбался. – Сотрясения нет, расслабься. Я по жизни такой мудака.

– Ладно, значит, доедем до N, переночуем и дальше.

Остаток пути они ехали молча.

Асмодей курил, временами развлекая себя отчаянно быстрой ездой. Чарли вертел в руках свои фенечки.

Связной сидел в дорогом ресторане в окружении пары дорогих спутниц, Асмодей уже привык к таким выходкам. Некоторых просто хлебом не корми, дай повыпендриваться – так их и вычисляют.

– Есть пара заказов, тебе вот этот должен понравиться, – мужчина передал под столом небольшую фотографию. Асмодей посмотрел, вернул снимок и молча кивнул.

– Когда?

– Шеф сказал, что лучше не затягивать – завтра-послезавтра.

Он снова кивнул и пошел к выходу.

– Ты когда-нибудь задумывался о смерти?

– Ну, бывало пару раз, – Чарли заинтересованно покосился на собеседника. – Тебе зачем?

– О человеке многое можно узнать по тому, какой смерти он хочет.

– Я бы не хотел знать, что умру, – не задумываясь, отозвался Чарли. – Чтоб не от смертельной болезни или от удушения. Это в смерти самое страшное – заранее знать, что ты обречен. Получается, ты умираешь сразу два раза. Я бы хотел быстро. И еще, наверное, красиво – так, чтоб потом писали в газетах. Только для этого сначала нужно стать знаменитым или богатым, а лучше сразу и то и другое.

– Интересно, – Асмодей кивнул.

– А ты?

– Я? Ну, наверное, мне бы хотелось знать заранее. За пару дней. Тогда я бы подготовился, закончил все дела, попрощался. – Он сам не знал, почему говорит все это. Захотелось поделиться.

– Какой ты рациональный, оказывается, – рассмеялся Чарли. – Прямо скука.

Тело нашли прохожие рано утром.

Молодая семейная пара выгуливала щенка, и они заметили на витрине что-то странное.

Труп.

Совсем юный парнишка. В элегантном костюме, с идеальной прической – он был похож на манекен.

Асмодей стоял за углом, наблюдая за реакцией.

Шок, восхищение, а потом крики.

Будет много снимков. Ты обязательно попадешь на первую полосу, о тебе заговорят.

– Надеюсь, хотя бы с этим ты не соврал, – он пошел вдоль улицы в сторону мотеля. На заднем сиденье седана лежали вещи Чарли, от которых нужно будет избавиться.

Асмодей разглядывал просыпающийся город.

Наверное, мальчик, ты все-таки переступил черту.

[ССЫЛКИ](#)

1. [Группа](#) в социальной сети «Вконтакте»
2. [Профиль](#) на портале фанфикшена «Фикбук»
3. [Страница](#) на сайте электронной библиотеки «Литмир»

Подписывайтесь, пишите отзывы, читайте другие сборники:

1. Цикл «Тематики»
2. Цикл «Вампиры»
3. Сборник рассказов в жанре «джен»
4. Сборник рассказов в жанре «слэш»
5. Сборник рассказов в жанре «гет»

Все сборники можно бесплатно скачать в группе автора в сети «Вконтакте».